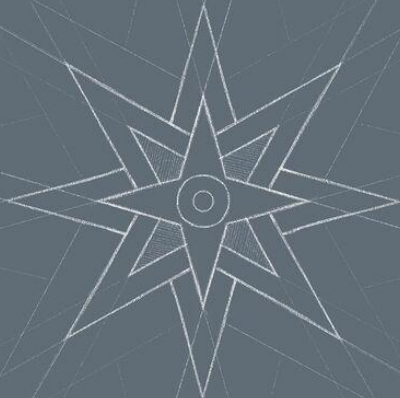

18+

Евген Клочков

АРХИТЕКТУРА НЕСВОБОДЫ

Возвращение в Эдем

Евген Ключков

Архитектура несвободы. Возвращение в Эдем

<https://litres.ru/74395243>

ISBN 9785007097802

Аннотация

После смерти отца Егор приезжает в город своего детства на берегу моря, чтобы проститься. Ночная прогулка приводит его к встрече с загадочным доктором Лукасом — человеком, который не даёт ответов, а ставит под сомнение всё, во что Егор привык верить. Разговоры у моря превращаются в путешествие сквозь страх, семейные сценарии и собственные убеждения. Но существовал ли Лукас на самом деле? Философский роман о том, как устроена наша несвобода и можно ли вернуться в Эдем в этой жизни.

Содержание

Пролог.	5
Глава 1. Мир, которого нет	6
Глава 2. Нейросеть по имени «Ум»	13
Глава 3. Чужие мысли	21
Глава 4. Тигр в кустах	41
Глава 5. Ошибка идентичности	50
Глава 6. Я есть мои чувства	58
Глава 7. Я есть мои мысли	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Архитектура несвободы. Возвращение в Эдем

Евген Клочков

© Евген Клочков, 2026

ISBN 978-5-0070-9780-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как читать эту книгу

Не относитесь к этой книге слишком серьёзно. Здесь нет окончательных истин. Есть наблюдения, гипотезы, интерпретации, вопросы и попытка увидеть привычные вещи под другим углом. Всё это — вымысел, созданный автором при участии искусственного интеллекта. Все персонажи вымышлены, а совпадения случайны. Однако, если книга поможет вам остановиться и задуматься — значит она написана не зря.

Пролог.

Разговор о главном

Почему человек знает, как ему следует жить, но продолжает воспроизводить одни и те же ситуации, верить в страхи, создавать конфликты и повторять неработающие решения? Возможно, свобода — это не отсутствие ограничений, а способность не подчиняться собственным автоматическим реакциям, а выбирать свой ответ. Посеешь мысль — получишь поступок, посеешь поступок — получишь привычку, посеешь привычку — получишь характер, посеешь характер — получишь судьбу.

Глава 1. Мир, которого нет

Люблю весеннюю Москву. Но не ту весну, которая начинается в марте, с её чёрным снегом. Я люблю май — когда солнце уже тёплое, а деревья зелёные.

В конце мая я мчал в своём купе по шоссе с открытым люком и наслаждался долгожданным теплом и солнечными лучами. У меня всегда было ощущение, что зима в Москве практически бесконечна и длится больше полугода, а самые тяжёлые дни — мартовские. Тот самый март, который предательски называет себя первым месяцем весны, хотя за окном всё ещё может уверенно идти снег, а градусник — показывать минус. Снег в этом месяце становится особенно ненавистным: грязно-серо-чёрным, создающим абсолютное ощущение безнадёги.

Но сегодня был май, и солнце щедро делилось теплом с жителями. Мои размышления о погоде и приятную музыку в стиле лаунж прервал звонок телефона.

— Егор Алексеевич, это вы?

— Да. Кто это?

— Меня зовут Елена Петровна. Я врач районной больницы посёлка Причерноморское. Алексей Андреевич кем вам приходится?

— Это мой отец.

— Я сожалею, но ваш отец сегодня ночью скончался. При-

чиной стал рак поджелудочной железы. Вы сможете приехать?

— О боже... Как? Какой рак? Он ничего не говорил. Хотя... один раз, пару лет назад, он упомянул, но потом сказал, что пошутил.

— Я сожалею. Вы сможете приехать?

— Да. Я сейчас в Москве, буду через два дня... Утром вылетаю.

Ощущение было такое, будто меня ударили по голове пыльным мешком. Но длилось оно всего пару секунд. Потом внимание собралось в точку и превратилось в тонкий лазер, который начал выхватывать из памяти нужную информацию, выстраивать предстоящую поездку и собирать церемонию. Утром — вылет.

Прилёт, такси, переговоры в офисе бюро и подготовка похорон — всё на автомате. Похороны — отработанный ритуал. Люди, которых я нанял, ещё сидя в Шереметьеве в ожидании вылета, действовали в соответствии с ритуалом и жёсткой инструкцией. Работали чётко, быстро и дорого. Очевидно, на сегодня у них был ещё целый список подобных заказов, поэтому они не могли позволить себе потерять ни минуты. Наблюдая за их работой, я подумал, что многие компании могли бы позавидовать такой слаженности.

Спустя пару часов все ритуалы были завершены. Несмотря на сложную логистику — перевозку тела из другого города, сбор родственников и знакомых, отпевание, похороны и

традиционный обед, — всё прошло чётко и быстро. Скорбящие начали расходиться.

Я чувствовал, что единственная возможность прожить горе сейчас — быть рядом с морем. Поэтому вечером поехал в центр, на набережную. Не помню, сколько я гулял, вглядываясь в тёмную воду и тёмное небо, но в какой-то момент поймал себя на том, что сижу на знакомой остановке, с которой ещё в детстве уезжал домой после занятий в бассейне.

В несезон южный город после восьми вечера постепенно засыпает: редкие прохожие, пустые улицы. Я закрыл глаза. Поблизости никого не было, и я был уверен, что сижу один. Но вдруг возникло ощущение, будто рядом кто-то есть.

«Вряд ли», — подумал я.

Открывать глаза не хотелось. Минуту назад улица была пустой, и вряд ли кто-то мог подойти незамеченным моим вниманием-лазером, которое не ослабевало ни на секунду. Однако ощущение присутствия не покидало.

Я открыл глаза и вздрогнул. На другом краю скамейки сидел элегантно одетый мужчина в тёмном летнем льняном костюме, с крупным перстнем на указательном пальце.

«Точно не местный. Скорее иностранец», — подумал я.

Мужчина смотрел в другую сторону и, казалось, совсем не проявлял интереса к моей персоне. Я посмотрел на часы. Было почти десять вечера, а значит, транспорт ходил редко, подбирая немногочисленных пассажиров. Я пытался вспомнить, какие маршруты в это время уже не ходили, но потом

подумал, что расписание общественного транспорта со времён моего детства совершенно точно изменилось.

«Иностранцу может совсем не повезти, если его маршрут уже не ходит, а он об этом даже не знает», — подумал я.

— Вы ждёте троллейбус? — спросил я.

— Нет.

— Тогда зачем вы сидите на остановке?

Он посмотрел на табличку с номерами маршрутов.

— А вы уверены, что остановка существует только для тех, кто куда-то едет?

— Ну, обычно именно для этого их и строят.

— Обычно, — повторил он. — Самое надёжное слово для тех, кто не задаёт вопросы.

Я снова обратил внимание на его перстень. Обычно перстни носят на мизинце, а у него он был именно на указательном пальце. К тому же перстень был особенно большим, с камнем тёмного оттенка и золотой восьмиконечной звездой, словно вплавленной в его поверхность.

Я хотел спросить, что означает этот знак, но Незнакомец заговорил первым:

— Что с вами произошло?

— Умер мой отец.

— Это событие или ваше объяснение?

— Что вы имеете в виду?

— Смерть произошла ночью, три дня назад. Сейчас самого события здесь уже нет. Сейчас есть ваша мысль о нём и

ваши чувства по поводу произошедшего.

Лазер заметался: то освещал логику, то выхватывал страх. По телу прошёл холод.

«Откуда он знает?» — пронзила меня мысль.

— Не стоит волноваться, — сказал он. — Вы сказали. «умер», а не «погиб». По вашей одежде и состоянию нетрудно понять, что сегодня были похороны. В вашей традиции принято хоронить на третий день. Я рискнул предположить, что смерть наступила ночью. Судя по вашему лицу, попал в точку.

— Да, вы правы.

— Примите мои соболезнования.

— Да... Спасибо.

— Позвольте задать вам ещё один вопрос.

Я кивнул. Мысли путались. На остановке в центре сонного южного города сидел элегантный, проницательный человек, совершенно не похожий на остальных, и с ходу заводил разговор о вечных темах. Даже в Москве такое случалось редко, хотя концентрация самых разных людей там была намного выше.

— Скажите, если сегодня рождается ребёнок — это хорошо?

— Конечно.

— А если через двадцать лет он станет диктатором?

Я промолчал.

— Если человек потерял работу — это плохо?

— Да.

— А если именно благодаря этому он позже создаст дело всей своей жизни?

Мой внутренний лазер завис вместе с умом и всей его логикой.

Само событие не может содержать знак плюса или минуса до тех пор, пока не появится тот, кто его оценит. Укажет и скажет: это хорошо, а это плохо.

А если оценивающих несколько? Например, руководитель компании, потерявший ценного сотрудника, и сам сотрудник, который уже через год вместе с семьёй будет жить в собственном доме на берегу моря.

Событие не содержит оценки. Более того, со временем оценка может измениться. Само событие остаётся неизменным, а всё, что возникает вокруг него, происходит в головах тех, кто на него смотрит. От этого событие не меняется. Оно просто происходит.

Реальность приносит события. Человек приносит смысл.

— Значит, смерть моего отца — это просто событие? — спросил я.

— Я не сказал «просто». Я сказал: событие. Ваша боль реальна. Но боль и объяснение боли — не одно и то же.

— Какая разница, если мне всё равно плохо?

— Событие уже произошло. Но объяснение может происходить внутри вас снова и снова.

Он сделал паузу и посмотрел вдоль освещённой улицы,

замершей в ожидании.

— Самая большая иллюзия человека заключается не в том, что он ошибается. Иллюзия в том, что он принимает собственную интерпретацию за саму реальность.

Незнакомец встал, застегнул летний пиджак, улыбнулся и, уже уходя, добавил:

— Пока человек не научится отличать событие от собственного объяснения, он будет жить не в мире, а внутри своего рассказа о нём. Доброй ночи.

Я был ошеломлён этим знакомством. Внезапно появившийся человек сразу уловил моё состояние и за короткий разговор разложил передо мной содержание, на осознание которого иной раз уходят годы психотерапии.

Когда-то, в середине двухтысячных, я услышал фразу, которую тогда с трудом мог повторить. Но сейчас каждое её слово прозвучало внутри меня и наконец стало ясным:

«Мы думаем, что то, как мы смотрим на вещи, — это то, как оно и есть. На самом деле это то, как оно и нет, потому что то, как оно есть, — абсолютно никак».

Глава 2. Нейросеть по имени «Ум»

Следующие два дня пролетели незаметно. Я занимался документами и вещами отца. Мой внутренний лазер внимания работал на все сто процентов, помогая удерживать большое количество задач в одном поле. В какой-то момент стало ясно, что дела окончены и можно выключить режим «Работа».

Я вспомнил, что за несколько дней в городе так и не посетил своё любимое кафе у моря. «Баркас» был обычным рыбным рестораном, без излишеств. Однако долгие годы ему удавалось держать марку. Я подумал, что сегодняшний вечер можно наконец-то «выдохнуть» и посвятить себе.

Обожаю свой южный город. После шести, когда солнце уже не так нещадно палит, на город постепенно спускается прохлада, и это прекрасное время для прогулок. Город недавно пережил реконструкцию и стал ещё краше. Поэтому прогулки по историческому центру — это отдельный вид удовольствия.

Ближе к восьми вечера я уже был в районе «Баркаса», на секунду заволновавшись, что мест не будет. Но вспомнил, что сезон начнётся ещё через пару недель, поэтому моё место меня ждёт.

У входа встречали молодые девушки-хостес и предлагали выбрать столик внутри или на веранде. Вечер отлично под-

ходил для того, чтобы посидеть на воздухе. Я выбрал место с видом на бухту и вальяжно расположился на стуле с картонным меню в руке. Утренний улов барабули особенно привлёк моё внимание.

— Добрый вечер, — слышалось с соседнего стола. — Надеюсь, в заботах последних дней вам удалось уделить время себе?

Я поднял глаза. За соседним столом сидел тот самый Незнакомец. Тот же тёмный льняной костюм, тот же крупный перстень на указательном пальце.

— Вы?

— Как видите.

— Вы часто здесь бываете?

— Достаточно часто, чтобы знать: сегодняшняя барабуля действительно хороша.

Я посмотрел на его перстень. В течение последних двух дней восьмиконечная звезда не выходила у меня из головы.

— Это звезда Иштар?

— Утренняя звезда. Венера. Иштар... А почему вам так важно узнать, что она означает?

— Хочу понимать, с кем разговариваю.

— Нет. Вы хотите понять, можно ли поместить меня в уже известную вам категорию.

Мой внутренний лазер сначала высветил нарастающее раздражение, а затем метнулся к уму и логике.

А ведь он прав. Мы не воспринимаем новое — мы ищем, к чему его можно отнести. Ищем среди того, что уже знаем. Но как работает этот механизм, если мы чего-то не знаем? Ведь мы даже не знаем, чего именно не знаем.

— Ум похож на нейросеть, — продолжил Незнакомец. — Он обучается на том, что уже видел, а затем пытается распознать новое через знакомые ему образы. Он не спрашивает: «Что это?» Сначала он спрашивает: «На что из уже известного это похоже?»

Я вспомнил старую историю — скорее всего, миф, — будто коренные жители Америки не увидели кораблей, на которых прибыли европейцы, потому что в их опыте не существовало подобных объектов.

— Есть известный рассказ об индейцах, которые якобы не увидели кораблей европейцев, — сказал я.

— Красивый миф, — ответил Незнакомец. — Незнакомый объект не становится невидимым только потому, что человек не знает его названия. Он увидит форму, движение, паруса, но может не понять, что именно перед ним. Это разные вещи.

Я вспомнил и рассказ о пигмеях, всю жизнь проживших в густом лесу: оказавшись в саванне, они якобы пытались руками дотянуться до крохотных фигур жирафов, пасшихся вдали. Им было трудно сразу понять, что животные не маленькие — просто расстояние и перспектива заставляют даже крупные объекты казаться крохотными. В джунглях по-

что всё находилось рядом, на расстоянии вытянутой руки. Здесь же пространство ощущалось совершенно иначе.

Я мог согласиться с Незнакомцем, потому что и сам помнил, как в 2006 году, когда жил в Петербурге, проезжал на машине через Москву мимо торгового центра «Мега» на Ленинградском шоссе. Моё сознание отказывалось вместить масштаб постройки. Мне приходилось несколько раз отводить взгляд, а затем снова всматриваться в бесконечные двухэтажные открытые парковки и огромные здания с международными логотипами на стенах.

— Получается, когда ум не может сразу поместить что-то в известную категорию, он пытается собрать объяснение из знакомых частей? — спросил я.

— Именно. Ум создаёт упрощённую модель. Она нужна, чтобы вы могли быстро ориентироваться и действовать. Но модель всегда меньше и проще мира.

Незнакомец продолжил:

— Представьте десять человек на одной площади. Каждый заметит своё. Полицейский — угрозы. Архитектор — здания. Музыкант — звуки и ритм улицы. Фотограф — свет. Влюблённый — лицо любимой. Вор — кошельки. Бездомный — место для ночлега. Площадь одна. Мир — десять.

Он отпил воды и поставил стакан на стол.

— А теперь попробуйте привести эти миры к одному знаменателю. Спросите у каждого, что он видел, а затем предложите им решить, чьё видение самое правильное. Конфликт

неизбежен. Люди начнут спорить. Но этот спор будет не о реальности. Это будет спор о собственных интерпретациях.

Я вспомнил, как однажды стоял среди зрителей на параде Победы и увидел, что сквозь оцепление проскользнула пожилая женщина. Она выглядела как бездомная: лицо скрывали сальные волосы, а под одеждой она что-то прятала.

«Шахидка», — подумал я, опираясь на опыт нескольких лет участия в городских праздниках в составе оцепления в Северной столице.

Я начал искать глазами старшего, чтобы указать ему на разрушительницу. Через несколько минут женщину уже уводили. К счастью, никаких опасных намерений у неё не было. Но каково же было моё удивление, когда выяснилось, что мои спутники даже не заметили происходившего. Всё это время они видели лишь парадные коробки и моряков в праздничной форме.

— Вы думаете, что смотрите глазами, — сказал Незнакомец. — Нет. Вы смотрите умом, воображением и памятью. Каждое событие проходит через страхи, прошлый опыт, ожидания, убеждения и желания — и только после этого становится «реальностью». Вашей реальностью. И в ней вы один.

— Тогда почему меня ещё не увезли на «Хутор Пятницкого» или на «Степана Скворцова»? Ведь мне кажется, что я вижу мир таким, какой он есть. И другие разделяют мою точку зрения.

— Потому что интерпретация возникает быстрее, чем вы успеваете заметить её появление. А те, с кем вы ею делитесь, скорее всего, близки вам по взглядам на жизнь. Иначе вы просто не стали бы общаться. Вы видите разные миры, которые в данный момент очень похожи. Поэтому вам и интересно проводить время вместе.

Незнакомец указал на звезду на своём перстне.

— Что вы увидели?

— Звезду Иштар.

— Нет. Вы увидели несколько золотых линий. Через мгновение ваш ум достроил: Иштар. Месопотамия. Мифология. Затем вы сделали ещё один шаг — решили, что это что-то говорит обо мне. Потом ещё один: начали придумывать историю человека, которого не знаете. И всё это произошло меньше чем за секунду.

Мой внутренний лазер высветил в памяти сцену нашего знакомства. Незнакомец только что с поразительной точностью описал механизм, который тогда сработал.

— Значит, ум меня обманывает?

— Нет. Он делает именно то, для чего предназначен: упрощает, обобщает и достраивает. Иначе вы не смогли бы ориентироваться в мире. Ошибка начинается тогда, когда вы принимаете его модель за сам мир.

— И как этого избежать?

— Для начала — замечать момент, когда восприятие заканчивается и начинается ваша концепция.

— Например?

Он снова указал на перстень.

— Линии — восприятие. «Звезда» — уже категория. «Иштар» — интерпретация. А вывод о том, кто я такой, — ваша история.

— Но ведь звезда действительно может быть символом Иштар.

— Может.

— Тогда в чём ошибка?

— В самой версии ошибки нет. Ошибка — забыть, что это только одна из версий.

На несколько секунд мы замолчали. За столиками разговаривали люди, официанты носили блюда, в бухте зажигались огни. Я пытался увидеть всё это до того, как ум успеет назвать увиденное.

— Самая большая иллюзия человека заключается не в том, что он ошибается, — сказал Незнакомец. — Иллюзия в том, что он принимает собственную интерпретацию за самую реальность.

— Эту фразу вы уже говорили.

— Но теперь вы слышали её немного иначе.

Он был прав. На остановке слова относились к смерти отца. Теперь они относились к самому механизму, с помощью которого я собирал свой мир.

— Если ум похож на нейросеть, — спросил я, — кто его обучал?

Незнакомец улыбнулся.

— Вот с этого вопроса и стоит начинать.

Я задумался, отвернулся к морю и долго смотрел, как свет фонарей отражается в тёмной воде. Когда повернулся, чтобы продолжить разговор, за соседним столом уже сидела молодая пара, обсуждавшая свои приключения на парах в институте. Вечер прошёл в тишине.

Глава 3. Чужие мысли

Прошло несколько дней, и моё состояние начало выравниваться. Даже захотелось съездить посмотреть местные достопримечательности или просто бесцельно погулять по городу. Мелькнула мысль, что возвращаться в Москву сейчас — не лучшая идея. Стоило воспользоваться моментом и попытаться «перезагрузиться». Тем более что из московской весны я сразу попал почти в лето, и это меня очень радовало. Ещё месяц назад приходилось надевать пуховик, потому что очередной циклон внезапно приносил в Московскую область снег. А здесь было тепло, солнечно и, главное, рядом находилось море. Настоящее море.

В качестве умственной разминки мне захотелось снова встретиться с Незнакомцем и продолжить наши беседы. Город небольшой, поэтому новая встреча казалась вполне вероятной. Я опять отправился в «Баркас», тот самый рыбный ресторан. Тем более что там проходил вечер мидий и белого вина. Я просто обязан был прийти.

Я ещё раз посмотрел в меню, хотя давно знал, что закажу.
— Добрый вечер.

Молодой официант лет двадцати пяти улыбнулся так, словно видел меня не впервые.

— Добрый вечер. Уже определились?

— Да. Мне фирменную кастрюльку мидий в сливочном

соусе и бокал белого сухого.

— Как обычно?

Я улыбнулся.

— Похоже, вы меня запомнили.

— Некоторые гости возвращаются каждый сезон. Их трудно забыть.

Он сделал несколько пометок в телефоне и уже собирался уйти, но вдруг посмотрел куда-то мне за спину. Выражение его лица сразу изменилось, а улыбка стала спокойнее.

— Добрый вечер, доктор Лукас.

Я обернулся. За соседним столиком сидел Незнакомец. Знакомый льняной пиджак — только на этот раз светлый. Тот же перстень. Он едва заметно кивнул.

— Добрый вечер.

Официант даже не стал спрашивать, что принести.

— Вам как обычно?

— Да. Благодарю.

— Через несколько минут всё будет готово.

Когда официант ушёл, я ещё несколько секунд смотрел ему вслед. Странно. В его голосе не было ни подобострастия, ни показной вежливости. Скорее он разговаривал с человеком, которого давно знал и искренне уважал.

Я поднялся и подошёл к соседнему столику.

— В прошлый раз мы так и не представились друг другу. Он жестом предложил мне присесть.

— Доктор Лукас.

Я сел.

«Так я и думал. Всё-таки иностранец». Наверное, он уловил мою мысль.

— Вас удивляет моё имя?

— Немного.

— Почему?

— Оно не очень похоже на местное.

— Потому что я и не местный.

— Откуда вы?

— Родился и вырос в Швейцарии. Высоко в горах.

— А что привело вас сюда?

Он посмотрел на море и едва заметно улыбнулся.

— Та же причина, которая когда-то привела сюда море.

— Не понял.

— Пока и не нужно.

Я снова посмотрел вслед официанту.

— Он назвал вас доктором.

Лукас спокойно отпил воды.

— Люди любят титулы. Они создают ощущение, будто мы понимаем, с кем имеем дело.

— Так вы врач?

— Нет.

— Доктор наук?

— В определённом смысле.

— В каком именно?

Он ненадолго задумался.

— Я долго изучал человека.

— Что именно?

Лукас посмотрел на меня так, словно хотел убедиться, что вопрос задан не из праздного любопытства.

— То, что большинство людей никогда не изучает.

— И что же это?

— Ум.

— В смысле мозг? — переспросил я.

— Нет. Меня интересовало, откуда внутри человека появляются мысли, которые он считает своими.

Я улыбнулся.

— Разве мысли могут быть не своими?

— Конечно. И значительная их часть именно такая.

— И поэтому вы заводите подобные разговоры с незнакомыми людьми?

— Не со всеми.

— Почему тогда со мной?

Лукас посмотрел в сторону моря.

— В тот вечер на остановке вы не искали собеседника. Вы оказались в точке, где прежние ответы вдруг перестали работать. Вы впервые усомнились в собственном объяснении мира и стали задавать иные вопросы.

— И какое вам до этого дело?

Он провёл большим пальцем по краю перстня.

— Это то, что я делаю. Несу логос. Помните, что «В начале было Слово»? Я напоминаю человеку о его способности

смотреть, сомневаться и выбирать самостоятельно.

Официант поставил перед нами воду, бокал вина и небольшую тарелку с тёплым хлебом. Лукас поблагодарил его кивком и дождался, пока тот отойдёт.

— Представьте новорождённого ребёнка, — продолжил он. — У него есть религия?

— Нет.

— Политические взгляды?

— Нет.

— Национальная идентичность?

— Формально есть гражданство.

— Я спрашиваю не о документах.

Я отпил вина.

— Тогда нет.

— Он знает, что хорошо, а что плохо?

— Думаю, нет.

— Знает, каким должен быть настоящий мужчина? Что должна делать правильная женщина? Какая профессия достойна уважения? Сколько нужно зарабатывать, чтобы считать себя успешным?

— Разумеется, нет.

— Значит, всё это появляется позже.

— Очевидно.

— Откуда?

Я пожал плечами.

— Из семьи. Из школы. Из общества.

— Из него самого?

— Частично.

— Как ребёнок может выбрать убеждение до того, как узнает о существовании выбора?

Я хотел ответить, но не нашёл подходящей формулировки. Лукас взял кусок хлеба, разломил его пополам и положил одну часть обратно на тарелку.

— Ребёнок появляется в незнакомой среде, внутри уже готовой общественной картины мира. Он ещё не знает, кем должен быть, чего следует бояться, к чему полагается стремиться и за что его будут любить. Всё это ему постепенно объясняют.

— Но без этого нельзя. Его ведь нужно воспитывать.

— Я не сказал, что это плохо. Я сказал, что так происходит.

Он посмотрел на меня поверх бокала.

— Вы часто путаете описание механизма с обвинением.

Я почувствовал раздражение, но почти сразу понял, что снова попался.

— Хорошо. Допустим, родители формируют ребёнка. Что в этом необычного?

— Ничего. Необычно другое: повзрослев, человек называет результат этого формирования собой — личностью с определёнными именем и фамилией.

Я усмехнулся.

— А кем ещё ему себя называть?

— Это хороший вопрос. Но сначала стоит понять, что именно он называет собой.

Лукас немного откинулся на спинку стула.

— Ваша мать когда-нибудь говорила, что незнакомцам нельзя доверять?

Вопрос застал меня врасплох.

— Говорила.

— Часто?

— Достаточно.

— Это была её мысль?

— А чья же ещё?

— Вы знаете, откуда она у неё появилась?

Я задумался.

— Нет.

— Возможно, её когда-то обманули. Возможно, так говорила её мать — ваша бабушка. Возможно, в семье произошло что-то, о чём вам никогда не рассказывали. А может быть, эта фраза передавалась из поколения в поколение и давно пережила событие, из которого возникла.

— Вы хотите сказать, что она просто повторяла чужую мысль?

— Я хочу сказать, что мы этого не знаем. Но вы получили её как истину.

Я вспомнил мать. Она действительно произносила эту фразу не как мнение, а как закон Вселенной: незнакомцам нельзя доверять. Так же нельзя доверять погоде, обещаниям

или тонкому льду. Это не обсуждается.

— А ваш отец? — спросил Лукас. — Что он говорил о мужчинах?

Я посмотрел на бухту.

— Что мужчина должен отвечать за свои слова.

— Только это?

— Что нельзя жаловаться. Нельзя показывать слабость.

— И никогда не плакать?

Я усмехнулся.

— Кажется, это говорили все отцы.

— Откуда вы знаете?

— Потому что так принято.

— Значит, ваш отец был одним из тех, кто передал это дальше.

— Вы сейчас пытаетесь снять с родителей ответственность?

— Нет. Я предлагаю перестать считать их первоисточником.

Лукас говорил спокойно, почти без интонации.

— Люди привыкли видеть родителей либо героями, либо виновниками. Оба взгляда слишком просты. Родители — проводники. Они передают детям то, что когда-то получили сами: страхи, запреты, представления о любви, отношение к деньгам, телу, власти, успеху и смерти.

— А если они сознательно выбирают, чему учить ребёнка?

— Сознательно выбирают из чего?

Я снова промолчал.

— Из того, что знают, — ответил он за меня. — А знают они то, чему когда-то научили их.

Ветер донёс запах моря и жареной рыбы. На набережной зажглись первые фонари. Я смотрел на людей за соседними столиками и пытался представить за каждым из них цепочку поколений. Отец передаёт сыну страх, который когда-то получил от собственного отца. Мать учит дочь молчать, потому что когда-то молчала её мать. Семья меняет города, дома и профессии, но продолжает один и тот же разговор.

— Получается, наследство — это не только квартира и деньги, — сказал я.

— Деньги — самая заметная часть наследства. И часто самая незначительная.

Лукас пристально посмотрел на меня.

— Каждое поколение передаёт следующему способы смотреть на мир. А вместе с ними — границы возможного.

— Какие ещё границы?

— Например, ребёнок растёт в семье, где никто не занимался бизнесом. Ему могут никогда не запрещать стать предпринимателем, но сам этот путь будет казаться чем-то чужим и опасным. Другой растёт среди военных и воспринимает службу как естественное продолжение жизни. Третий с детства слышит, что богатство портит людей. Четвёртый — что бедность является признаком слабости. Все они по-

взрослеют и будут считать свои решения и свой выбор свободными.

— Но человек может выбрать иначе.

— Может. Если увидит, что именно выбирает внутри него.

Официант принёс кастрюльку с утренним уловом и поставил перед Лукасом чайник.

— Всё ли вас устраивает, доктор Лукас?

— Более чем. Благодарю.

— Приятного вечера.

Когда официант ушёл, я спросил:

— Почему вы всё-таки позволяете называть себя доктором?

— Я не позволяю и не запрещаю. Это его способ объяснить себе, кто я.

— А вы не считаете нужным его исправить?

— Что именно я должен исправить? Его уважение? Его представление обо мне? Или потребность дать мне понятное имя?

— Но ведь оно может быть неверным.

— Большинство представлений людей друг о друге неточны. Иначе им пришлось бы признать, что рядом с ними всегда находится неизвестность.

Я отложил вилку.

— Вы всё время возвращаетесь к одному и тому же.

— К чему?

— К тому, что мы не видим мир таким, какой он есть.

— Сегодня мы говорим о другом. Вы не только не видите мир таким, какой он есть. Вы смотрите на него глазами людей, которых, возможно, уже давно нет в живых.

Я машинально посмотрел на свои брюки. Лукас это заметил.

— Почему вы их носите?

Я рассмеялся.

— Это уже какой-то странный вопрос.

— Тем лучше.

— Потому что мне удобно.

— Всегда?

— Что — всегда?

— Вам всегда удобно именно в брюках?

— Нет, разумеется.

— Тогда почему сейчас вы в них?

— Потому что пришёл в ресторан.

— В ресторан нельзя прийти иначе?

— Можно. Но так принято.

— Кем?

— Обществом.

— А где оно сейчас сидит?

Я оглядел веранду.

— Вокруг нас.

— Тогда спросите у него.

— У кого именно?

— Вот в этом и проблема. Общество постоянно чего-то от вас требует, но вы никогда не сможете посмотреть ему в глаза.

Я улыбнулся, но внутри уже не было прежней лёгкости.

— Хорошо. Допустим, одежда определяется средой. Но это мелочь.

— Тогда возьмём что-нибудь важнее. Почему вы празднуете Новый год именно первого января?

— Потому что так устроен календарь.

— Почему считаете одни профессии престижнее других?

— Потому что они требуют большей квалификации. Или приносят больше пользы.

— Всегда?

— Не всегда.

— Почему один автомобиль кажется вам статусным, а другой — нет?

— Потому что есть известные марки.

— Кто сделал их известными?

— Производители. Реклама. Рынок.

— Почему успех в вашем представлении должен выглядеть как деньги, должность, квартира, автомобиль и возможность путешествовать?

— Необязательно.

— Но вы перечислили именно это.

Я ничего не перечислял вслух. Однако именно эти образы почти мгновенно появились в моей голове.

Лукас улыбнулся.

— Ум отвечает раньше, чем человек успевает услышать вопрос.

— Вы считаете, что у меня нет собственных предпочтений?

— Я считаю, что вы редко проверяли их происхождение.

— А как это проверить?

— Задать простой вопрос: «Если бы никто никогда этого не увидел, я всё равно хотел бы этого?»

Я посмотрел на часы на своём запястье. Дорогие, механические, выпущенные ограниченной серией. Я действительно любил их. По крайней мере, всегда так думал. Но если бы никто не знал марку? Если бы никто их не видел? Если бы они перестали что-либо говорить обо мне? Я всё ещё хотел бы их носить? Ответ не пришёл.

— Культура редко приказывает, — продолжил Лукас. — Она создаёт нормальность. Одно кажется естественным. Другое — смешным. Третье — постыдным. Четвёртое — недостойным. Человек начинает сам охранять границы, которые установили для него другие.

— Выходит, культура — это тюрьма?

— Вы снова хотите поставить оценку.

— А как ещё это назвать?

— Средой. Язык тоже ограничивает вас, но без него мы не смогли бы сейчас разговаривать. Дом ограничивает пространство, но защищает от холода. Любая форма одновре-

менно даёт возможности и создаёт границы.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что вы принимаете форму за природу вещей.

Лукас налил себе зелёного чая.

— Мужчина должен быть сильным. Женщина должна быть мягкой. Ребёнок должен быть послушным. Руководитель должен быть мудрым. Богатый человек должен выглядеть определённым образом. Успешная жизнь должна складываться по известному сценарию. Люди произносят это так, словно открыли законы Вселенной. Хотя чаще всего просто пересказывают правила своей среды.

— Но ведь некоторые правила одинаковы почти везде.

— Именно это делает их особенно незаметными.

Он сделал паузу.

— Самые сильные формы власти не запрещают думать.

Я поднял глаза.

— А что они делают?

— Заранее подсказывают, о чём именно стоит думать.

— Вы о пропаганде?

— В том числе. Но не только.

— А о чём ещё?

— О школе. Университете. Новостях. Телевидении. Социальных сетях. Книгах. Рекламе. Искусстве. Они не просто дают ответы. Они формируют список вопросов, которые кажутся важными.

— Но человек сам выбирает, что смотреть и читать.

— На основании чего?

Этот вопрос начал раздражать меня своей повторяемостью.

— На основании интересов.

— А кто сформировал интересы?

— Всё опять сводится к одному и тому же.

— Потому что вы всё время пытаетесь найти внутри системы точку, которая от неё не зависит.

Я откинулся на спинку стула.

— Вы хотите сказать, что никакой свободы вообще нет?

— Я этого не говорил.

— Но если семья формирует убеждения, культура — предпочтения, общество — цели, а медиа — темы для размышлений, где тогда человек?

— Очень хороший вопрос. Но вы задаёте его слишком рано.

— Почему?

— Потому что пока ещё не слышали тех, кто говорит внутри вас.

Я нахмурился.

— Что это значит?

— Когда вы разговариваете с собой, чьим голосом вы говорите?

— Своим.

— Вы уверены?

— Конечно.

— Закройте глаза.

— Здесь?

— Почему нет?

Я оглянулся. За соседними столиками никто не обращал на нас внимания. Общество было занято своими делами. Я закрыл глаза.

— Вспомните ситуацию, в которой совершили серьёзную ошибку.

Первая сцена возникла слишком быстро. Несколько лет назад я вышел из важного проекта и передал его коллеге. Мне казалось, что я не смогу вести несколько проектов одновременно. В итоге свободного времени оказалось достаточно, а коллега без особого напряжения развивал крупный проект с практически идеальным клиентом, которого я нашёл.

— Вспомнили?

— Да.

— Что вы тогда сказали себе?

Я почувствовал знакомое напряжение.

— «Ничего страшного. Я ведь не могу разорваться».

— Каким голосом?

— Что?

— Кто внутри вас произнёс эту фразу?

Я хотел сказать, что это был мой голос. Но вдруг услышал интонацию мамы. Не слова — именно интонацию. Тёплую, но грустную. Так она говорила со мной в детстве. Так

было когда я не поехал на соревнования. В пятницу не прошёл медицинскую комиссию и не получил нужную справку, а утром в субботу вместо того, чтобы всё-таки попытаться что-то сделать, просто лёг спать. В понедельник тренер был в ярости, потому что был уверен в моей победе. А я просто не приехал.

Я открыл глаза. Лукас наблюдал за мной.

— Услышали?

— Возможно.

— Теперь вспомните момент, когда хотели отказаться от чего-то важного.

Я вспомнил переезд в Москву. В последний момент меня охватил страх, и в голове прозвучало: «Не выдумывай». На этот раз голос принадлежал бабушке. Я почувствовал холод.

— Иногда это голос родителей, — сказал Лукас. — Иногда — учителей, начальников, священников, телеведущих. Людей, которые когда-то унизили вас или, наоборот, стали для вас авторитетами.

— Но со временем эти голоса становятся частью личности.

— Именно.

— Тогда они уже мои.

— В том же смысле, в котором квартира становится вашей после получения наследства. Вы можете владеть ею, но вы её не строили.

Я посмотрел в сторону моря.

— И что делать с этими голосами?

— Сначала услышать.

— А потом?

— Понять, кому они принадлежат.

— И избавиться от них?

— Вы снова хотите бороться.

— А разве не в этом смысл?

— Нет. Нельзя освободиться от того, что пытаешься уничтожить. Борьба лишь удерживает объект в центре внимания.

— Тогда что?

— Наблюдать.

— Просто наблюдать?

— Для начала этого достаточно.

Ответ показался мне слишком простым.

— Большинство людей всю жизнь разговаривают с собой голосами других, — продолжил Лукас. — Просто эти голоса звучат так давно, что люди начинают считать их собственными.

— А настоящий, собственный голос существует?

Лукас не ответил. За соседним столиком рассмеялась женщина. По набережной прошла семья с ребёнком. Мальчик что-то просил, мать раздражённо ему отвечала. Через несколько лет он, возможно, будет разговаривать с собой её интонацией. Я вдруг подумал, сколько людей находилось сейчас внутри меня. Отец. Мать. Учителя. Руководители.

Авторы прочитанных книг. Люди, чьего одобрения я когда-то хотел. Люди, которым пытался что-то доказать. Даже те, кого давно забыл.

— Если мои мысли не мои, — медленно произнёс я, — если мои ценности появились извне, если мои страхи передали мне другие, то что вообще остаётся от меня?

В этот момент мне впервые показалось, что из-под ног исчез пол. До сих пор разговоры с Лукасом разрушали привычные представления о мире. Но мир всё был стабилен. Можно было сомневаться в нём, спорить с ним, искать другое объяснение. Теперь исчезал тот, кто должен был всё это делать. Я. Или то, что я привык называть этим словом.

Лукас долго смотрел на меня. Я ожидал очередного объяснения. Формулы. Примера. Вопросы, который приведёт к ответу. Но он лишь улыбнулся.

— Очень хороший вопрос.

Он поднялся.

— И это всё?

— На сегодня — да.

— Вы не ответите?

— Если я отвечу, вы получите ещё одну чужую мысль.

Лукас положил на стол несколько купюр, кивнул официанту и направился к выходу.

— Подождите, — сказал я. — Мы ещё увидимся?

Он остановился, но не обернулся.

— Если вам действительно понадобится ответ.

Через несколько секунд он исчез среди людей на набережной.

Я ещё долго сидел за столом. Вино стало тёплым. Мидии остыли. Официант несколько раз проходил мимо, но не решился спросить, нужно ли принести счёт. Наконец я поднялся и вышел на набережную.

Город жил обычной вечерней жизнью. Люди разговаривали, смеялись, смотрели в телефоны, выбирали рестораны, спорили с детьми, фотографировались. Каждый, вероятно, был уверен, что живёт собственной жизнью. Но, возможно, через них продолжали жить родители, учителя, эпоха, страхи, реклама, традиции и чужие незавершённые истории. Я шёл вдоль моря и впервые пытался не думать, а слушать того, кто говорит внутри меня.

Голосов оказалось слишком много. В тот вечер меня испугала не мысль о том, что я могу ошибаться. Меня испугала возможность, что человек, которого я всю жизнь называл собой, оказался собранием чужих голосов.

Глава 4. Тигр в кустах

На следующее утро я проснулся в отличном расположении духа. За окном ярко светило солнце, а из гостиничного номера открывался роскошный вид на море.

Нужно заканчивать с поздними прогулками и сложными беседами. Они выбивают из равновесия и наполняют день лишними размышлениями. Дел и без того достаточно. Я достал ноутбук — центр своей деловой жизни. Вместе со смартфоном он позволял мне находиться в «центре паутины» собственной деятельности, при этом моё физическое местоположение в большинстве случаев не имело значения. Обычно бизнес шёл своим чередом, но сегодня требовал личного участия: предстоял важный созвон в Zoom с потенциальным клиентом.

Я открыл презентацию и почти сразу услышал внутри мамину интонацию: перед важным событием нужно как следует подготовиться. «Нельзя показывать слабость», — добавил голос с интонацией отца. «Всё перепроверь, чтобы потом не оказаться в дураках», — вступил голос с интонацией бабушки.

С таким хором я далеко не уеду. Я закрыл ноутбук, написал управляющему, что подключусь немного позже, спустился в лобби, взял кофе и вернулся в номер.

Простая вещь — обычный деловой созвон. Даже не лич-

ная встреча. Откуда тогда взялось это многоголосие? Я сел у окна и несколько минут просто смотрел на море, стараясь не спорить с голосами и не прогонять их. Постепенно дыхание выровнялось. Показатели на браслете WHOOP тоже начали возвращаться к обычному уровню: частота пульса снизилась, а вместе с ней уменьшился и показатель стресса.

Созвон прошёл хорошо. Спустя два часа мы уже обсуждали с управляющим следующую сделку, но утренний эпизод не выходил у меня из головы. А вдруг это повторится? А если в самый важный момент я не смогу собраться?

Можно ли отмотать плёнку на несколько недель назад и снова оказаться в машине с открытым люком на московском шоссе? Чтобы не было страшного звонка, похорон, ночной остановки и, главное, этого ощущения раздвоенности и неуверенности в том, кто именно говорит внутри меня.

Вечером я решил прогуляться по близлежащему району. В центр не поеду. Вдруг опять встречу Лукаса, а ещё один сеанс «промывки мозгов» сегодня не выдержу. Гостиница находилась неподалёку от спального района и небольшого парка, поэтому я решил пройтись до магазина и обратно. Дорога была одна. С освещением здесь явно существовали проблемы, что после столицы казалось особенно непривычным.

Неужели где-то ещё остались настолько тёмные переулки? Не успела эта мысль раствориться, как позади раздался резкий звук. Из тёмного подъезда быстро вышла человеческая фигура и направилась в мою сторону. Тело отреагиро-

вало раньше, чем я успел понять происходящее. Меня прошиб пот. Пульс участился. Дыхание стало коротким, мышцы напряглись. Внимание мгновенно сузилось, превратившись в тот самый лазер, который теперь освещал только приближающийся силуэт.

Через секунду я увидел обычного мужчину. Он разговаривал по телефону и спешил к припаркованной машине. Опасности не было. Но тело уже успело к ней подготовиться. Я остановился и впервые попытался наблюдать страх не как чувство, а как процесс. Сначала возник звук. Затем тело приготавлилось спастись. И только потом ум придумал объяснение: тёмный подъезд, незнакомый район, приближающаяся фигура — опасность. Следом появились комментарии. Они звучали знакомыми интонациями, но кому именно принадлежали, я вспомнить не мог.

Пожалуй, всё-таки стоит поехать в центр. Возможно, Лукас заканчивает ужин и допивает свой зелёный чай. Возможно, я ещё успею. Это нужно обсудить.

Лукас сидел за своим обычным столиком. На этот раз моему появлению он не удивился.

— Вы меня ждали?

— Нет. Просто совпадения всегда кажутся неизбежными после того, как произошли.

Я сел напротив.

— Что-то случилось? — спросил он. — Иначе сегодня вы бы сюда не приехали.

— На улице произошла странная вещь. Я ни с того ни с сего решил, что мне угрожают. Опасности не было, но для тела, кажется, это не имело никакого значения.

Лукас кивнул.

Я ожидал объяснения, но вместо него он рассказал историю. Он предложил представить двух людей, которые тысячи лет назад слышали шорох в высокой траве. Один решил, что это ветер, второй — что в кустах прячется тигр. Если бы это был просто ветер, второй потерял бы несколько минут и немного энергии. Если бы там действительно был тигр, ошибка первого могла стать последней. Для выживания эти ошибки были неравноценны. Ложная тревога обходилась дешевле, а пропущенная опасность могла стоить жизни. Поэтому естественный отбор сохранял не самый беспристрастный ум, а тот, который скорее десять раз заметит несуществующего тигра, чем однажды пропустит настоящего.

Я вспомнил тёмный подъезд и мужчину с телефоном. Страх не был точным прибором. Он мог ошибаться, но именно готовность ошибиться иногда спасала жизнь.

— Тогда как понять, когда ему верить?

— В момент первой реакции — не всегда возможно.

— Обнадёживает.

— Вы требуете абсолютной точности от системы, задача которой — не сделать вас счастливым, а сохранить в живых.

Лукас попросил меня восстановить телесную реакцию. Сердце ускорилося, дыхание стало коротким, мышцы на-

пряглись, а внимание сузилось до одного приближающегося силуэта. Организм заранее подготовил меня напасть, убежать или замереть.

Перепроверка произошла позже. Иначе происходило бы наоборот: сначала исследование, оценка вероятностей и сбор информации, а затем — когда настоящий тигр уже вышел из кустов — запоздалая попытка спастись.

— Значит, тело реагирует раньше мысли?

— Раньше осознанной мысли. Мозг уже обрабатывает сигнал, просто не ждёт вашего разрешения.

— Значит, я собой не управляю?

— Значительной частью происходящего — не управляете.

Ответ вызвал знакомое раздражение. Каждая встреча с Лукасом как будто отнимала у меня очередную опору. Сначала выяснилось, что я вижу не сам мир, а собственную интерпретацию. Потом — что внутри меня разговаривают другие люди. Теперь оказалось, что тело начинает действовать раньше, чем появляется моё осознанное решение.

Лукас заметил моё недовольство, но лишь сказал, что подобное открытие способно обрадовать только того, кто действительно хочет узнать, кем является.

Я отвернулся к морю.

Лукас попросил меня вспомнить события прошедшего дня. Первым делом в памяти возникли тревога перед созвоном, неправильная сумма в документах и странный телефонный звонок. Завтрак, прекрасная погода и улыбка бармена

из лобби появились лишь после его подсказки.

Он обратил моё внимание на то, что всё тревожное я вспомнил первым.

— Потому что это важнее.

— Или потому что ваш ум счёл это угрозой.

— Ошибка в документе — не тигр.

Я уже понимал ход его мысли. Положительное событие редко требует срочного ответа. Возможная потеря, неодобрение, конфликт или унижение — требуют. Поэтому одна критическая фраза способна к вечеру вытеснить десять похвал. Похвала подтверждает положение среди людей, а критика ставит его под сомнение.

Я возразил, что мы больше не живём в первобытном племени, потеря работы не равна нападению хищника, а публичный провал никого не убивает. Лукас не спорил. Для осознанного мышления разница очевидна. Но более древние системы реагирования различают угрозы грубее: потеря работы может означать утрату ресурсов, провал — отвержение группой, отказ близкого человека — потерю связи и безопасности.

— Вы хотите объяснить всю человеческую жизнь биологией?

— Нет. Я хочу показать фундамент, на котором человек строит объяснения своей жизни. Здание не сводится к фундаменту, но без него оно не стоит.

Современные кусты с потенциальным тигром сегодня вы-

глядят иначе. Короткое письмо руководителя: «Зайдите ко мне». Непрочитанное сообщение. Молчание близкого человека. Снижение дохода. Результаты медицинского анализа. Неизвестный номер телефона. Необходимость изменить привычную жизнь. Ни одно из этих событий не было реальным тигром. Но тело могло реагировать так, словно в кустах блеснули глаза хищника.

Я вспомнил утренний созвон, хор знакомых голосов и желание оказаться на несколько недель раньше. Когда я спросил, зачем мне всё это знать, Лукас напомнил, что я пришёл сам.

— Я хотел понять, почему испугался обычного человека на улице. А вместо этого вы снова лишаете меня чего-то важного. Сначала реальности. Потом собственных мыслей. Теперь — решений.

— Я ничего у вас не забирал.

— Тогда что вы делаете?

Лукас спокойно выдержал мой взгляд.

— Показываю, что вам никогда не принадлежало.

Я медлил, словно ожидал, что он попытается дать следующую порцию интерпретаций. Лукас лишь спокойно смотрел со своей стороны стола.

— Почему продолжаете со мной разговаривать?

— Потому что пока вы задаёте вопросы, которые вас действительно пугают.

Я положил на стол деньги за чай, которого даже не зака-

зывал, и направился к выходу.

По дороге в гостиницу я убеждал себя, что Лукас манипулирует мной. Его рассуждения можно применить к чему угодно. Человек намного сложнее биологии. Страх бывает разумным и обоснованным. И вообще, не стоит рассказывать о себе незнакомцу только потому, что он носит дорогой льняной костюм и умеет задавать точные вопросы.

Когда я вошёл в номер, раздражение не прошло. Я налил воды и заметил, что рука слегка дрожит. Чего именно я сейчас боюсь? Первым ответом был Лукас. Но почти сразу я понял, что это неправда. Лукас мне не угрожал. Ничего не требовал. Не пытался удержать. Не обещал спасения. Даже не просил верить ему. Я боялся не Лукаса. Я боялся, что он прав. Потому что тогда пришлось бы признать: многие решения, которые я считал своими и основанными на свободе своего выбора, могли быть попытками избежать опасности. Многие цели — способами получить безопасность. Отношения — защитой от одиночества. А достижения — бегством от чувства собственной недостаточности.

Нет. Это уже слишком. Так можно объяснить что угодно, а значит — ничего. Я подошёл к окну. Внизу темнел гостиничный сад. Ветер двигал ветви кустарников. На секунду мне показалось, что между ветвей кто-то есть. Тело напряглось. Я всмотрелся. Там никого не было. Я задёрнул шторы. Двор исчез из поля зрения, но тревога осталась.

И тогда я впервые понял: дело никогда не было только в

темных подъездах и кустах. Образ прячущегося тигра всегда находился внутри меня. До встречи с Лукасом я думал, что страх предупреждает об опасности. Теперь я впервые допустил, что иногда мозг сам создаёт образ опасности, от которой затем пытается меня спасти.

«Масштаб вашей личности определяется величиной проблемы, которая способна вывести вас из себя», — Зигмунд Фрейд.

Глава 5. Ошибка идентичности

Несколько дней я не встречался с Лукасом и даже не пытался его искать. После нашего последнего разговора мне хотелось заняться чем-нибудь простым, конкретным и не требующим размышлений о природе собственной личности.

Я решил разобрать вещи отца. Их оказалось немного. Большая часть осталась в Причерноморском, и я попросил раздать всё, что могло кому-нибудь пригодиться. В Москву везти ничего не хотелось. Документы и фотографии следовало оцифровать, сохранить на компьютере и тоже убрать подальше.

Приложение «Фото» умело распознавать лица и распределять снимки по людям. Полдня я потратил на документы, а затем принялся сортировать старые фотографии. Большинство уже хранилось в электронном виде, поэтому работа продвигалась быстро.

В какой-то момент программа не отнесла один из снимков в папку «Отец». На фотографии стоял мужчина лет тридцати пяти — сорока. Знакомая причёска, осанка, поворот головы. Лицо почти не различалось: закатное солнце светило прямо в объектив, оставляя фигуру в тени.

Странно, почему программа не узнала отца?

Я уже собирался исправить ошибку вручную, но за секунду до щелчка меня пронзило: это не отец. Это я.

Фотографию сделали совсем недавно, здесь же, у моря. Я начал судорожно искать снимки отца примерно в том же возрасте. Нашёл один, потом другой. Открыл рядом свою фотографию. Боже. Сходство оказалось почти пугающим. Мне всегда казалось, что с возрастом я становлюсь всё больше похожим на самого себя. Я ведь такой уникальный, свободолюбивый, всегда поступаю так, как считаю нужным.

Но постепенно всё равно становился похожим на него. Отец тоже был свободолюбивым — особенно в молодости. По рассказам родственников, характер у него был просто огонь.

Я листал фотографии дальше. На одной отец был совсем молодым, а рядом стоял пятилетний я. На другой у него уже появилась первая седина. Потом совместные фотографии почти исчезли. В какой-то момент наша жизнь раскололась на отдельные линии, которые лишь иногда пересекались телефонными звонками и редкими встречами.

До последнего он отказывался ложиться в больницу. Часто повторял, что за всю жизнь бывал у врачей всего несколько раз. Даже столкнувшись со страшной болезнью, не изменил себе. Не уверен, что это было мужество или интуитивное решение. Но это был он.

Он звонил мне из Причерноморского, где снимал небольшой дом. «До моря ровно три минуты пешком. Представляешь?» Потом рассказывал, что решил завести кур.хлопотно, зато не скучно. Последние полгода он звонил особенно

часто.

Теперь я думал: возможно, он всё понимал. Просто не хотел говорить. Как мне потом рассказали, в больницу его увезли на скорой. Умер почти сразу. Не любил больницы.

А ведь когда-нибудь и я... Дай бог, чтобы тоже быстро. И желательно так же, как захочу сам, — если в этом вопросе человеку вообще что-то позволено решать. Мысли незаметно перешли от смерти отца к моей собственной.

Я посмотрел на руки, лежавшие на клавиатуре. Эти же руки сейчас сортировали фотографии. Когда-то они были маленькими — вот на снимке я держусь ими за сильную руку отца, в то время спортивного гимнаста. Он говорил, что однажды мои руки станут такими же. Нужно только время. И тренировки. Нужно идти вперёд.

Он оказался прав. В тридцать девять лет с этими руками я занял первое место на чемпионате России по пауэрлифтингу и получил звание мастера спорта. Но теперь кожа на них стала менее упругой. Появились первые признаки возраста, которых я раньше не замечал.

Когда-нибудь и эти руки останутся только на фотографиях. Мысль о собственной смерти впервые пришла не как философская идея. Она ощущалась почти физически: в пальцах, коже, пульсе на запястье.

Следующей на экране появилась фотография моей маленькой дочери. Я задержал на ней взгляд, потом снова открыл собственный детский снимок, а рядом — фотографию

отца.

Мы были удивительно похожи. Три человека. Три возраста. Три разных тела, в которых повторялись одни и те же черты. Тело словно знало о своей конечности. Но жизнь вела себя так, будто не собиралась останавливаться. Она продолжалась через детей, жесты, интонации, семейные истории и фотографии, которые однажды будет сортировать кто-то другой.

Я закрыл ноутбук и подошёл к зеркалу. Из отражения на меня смотрел мужчина, которого я привык считать собой. Но этот человек не всегда выглядел так. Когда-то в зеркале был ребёнок. Потом подросток. Курсант. Молодой мужчина. Менялись рост, вес, лицо, волосы, кожа. Исчезали одни клетки, появлялись другие. Тело взрослело, набирало силу, болело, восстанавливалось и постепенно старело.

Но в каждом возрасте внутреннее ощущение произносило одну и ту же фразу: «Это я».

Я снова открыл фотографию пятилетнего мальчика. Тело на снимке не было похоже на то, которое отражалось в зеркале. И всё же я не говорил: «Когда-то этот ребёнок был мной».

Я говорил: «Это я».

Телефон завибрировал на столе и вернул меня в гостиничный номер. На экране появилось напоминание о встрече с представителем ритуального бюро. Нужно было заказать памятник. До встречи оставалось полчаса.

Я быстро оделся и выбежал из номера. Хорошо, что успел арендовать машину и теперь не приходилось снова изучать расписание вечерних троллейбусов.

Кладбище встретило жарой и пылью. Людей почти не было. Только птицы перекликались в лесополосе, а вдали, между деревьями, виднелась узкая полоса голубого моря. Сейчас бы на море.

Менеджер бюро уже ждал у могилы вместе с рабочим. В руках он держал документы и несколько эскизов.

— Не беспокойтесь. Сейчас быстро всё согласуем, а дальше займёмся сами. Не будем держать вас на жаре.

Я был искренне благодарен этим людям за то, что они брали на себя работу, к которой невозможно подготовиться.

За десять минут мы выбрали камень, надпись, расположение фотографии и договорились о сроках. Вопрос, который ещё утром казался тяжёлым и почти невозможным, превратился в номер заказа, перечень материалов и дату монтажа.

Я направился к стоянке. Дорога проходила мимо небольшого кладбищенского храма. На скамейках возле него обычно сидели местные «сёстры» — пожилые женщины, которые, казалось, были здесь прописаны. Я не любил это место и всегда старался пройти быстрее.

Но на этот раз краем глаза заметил знакомый силуэт. Льняной костюм — теперь молочного цвета. Доктор Лукас сидел на скамейке у церкви и читал газету. Кладбищенский храм — странное место для человека, решившего отдохнуть

за чтением ежедневной прессы. Это уже совсем не походило на совпадение.

— Не ожидал увидеть вас здесь.

Лукас сложил газету и положил рядом.

— Почему?

— Обычно сюда приходят по другой причине.

— По какой?

— Когда кого-нибудь теряют.

Он оглядел кладбище.

— Разве здесь есть тот, кто ничего не потерял?

Я не ответил.

Некоторое время мы сидели молча. Ветер едва слышно шевелил листву. За оградой проехала машина, подняв облако пыли.

— Сегодня вы впервые подумали о собственной смерти,

— произнёс Лукас.

Это был не вопрос.

— После смерти отца я думаю о ней постоянно.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— Раньше вы думали о событии, которое когда-нибудь с вами произойдёт. Сегодня вы впервые увидели, что оно уже происходит.

Я посмотрел на руки.

— Вы говорите о старении?

— Я говорю о теле.

Лукас не стал ничего объяснять. Он лишь спросил, было ли моё тело в пять лет таким же, как сейчас. Конечно, нет. Таким же в пятнадцать? Тоже нет. Он предложил мысленно поставить рядом ребёнка со старой фотографии, подростка, тридцатилетнего мужчину и меня сегодняшнего. У них были разные лица, рост, сила, привычки и даже разные представления о жизни. Но каждого из них я называл одним словом: «Я».

— Тело постоянно менялось, — сказал Лукас. — Но чувство «я» почему-то оставалось.

Я вспомнил зеркало в гостинице. Детскую руку в ладони отца. Собственные пальцы над клавиатурой. Фотографию дочери.

— Вы хотите сказать, что тело мне не принадлежит?

— Нет. Оно принадлежит вам настолько, насколько вообще что-нибудь может принадлежать человеку.

— Тогда в чём вопрос?

Лукас поднялся со скамейки и взял газету.

— Если ваше тело непрерывно менялось, а вы всё это время продолжали говорить «я»...

Он сделал паузу.

— Может быть, вы никогда и не были своим телом?

Лукас пошёл по дорожке к выходу. Я остался на скамейке. Где-то за рядами надгробий оставалась свежая могила человека, чьё тело лежало под землёй, но чьи черты я сегодня обнаружил в собственном лице. До этого дня я сомневался в

том, правильно ли вижу мир. Потом — в том, действительно ли мои мысли принадлежат мне.

Теперь сомнение коснулось самого очевидного: возможно, всю жизнь я ошибался относительно того, кем являюсь.

Глава 6. Я есть мои чувства

Сообщение пришло в 9:17 утра.

«Егор, срочно свяжитесь со мной. Получили иск. Сумма серьёзная».

Писал корпоративный юрист. Я перечитал текст дважды. Затем открыл прикреплённый файл и увидел сумму требований. Несколько сотен тысяч долларов. Внутри мгновенно похолодело.

Документы касались проекта, которым мы занимались несколько лет назад. Сотрудник, отвечавший за договоры и оформление интеллектуальных прав, позднее был уволен за непрофессионализм. Оказалось, что помимо уже известных нам проблем существовал ещё один пласт, о котором мы не подозревали. На каждой встрече по проекту сотрудник уверял, что всё зарегистрировано правильно и принадлежит компании. Теперь выяснялось, что часть ключевых прав была оформлена некорректно, а реальный владелец интеллектуальных прав потребовал компенсацию за использование материалов, которые мы считали своими. С юридической точки зрения дело только начиналось. Ничего ещё не было доказано. Суд не принял решения. Даже сумма в иске оставалась лишь требованием противоположной стороны. Но внутри меня судебный процесс уже закончился. Мы проиграли.

Счета заблокированы. Репутация уничтожена. Клиенты уходят. В деловых изданиях появляется заголовок о компании, проигравшей в сфере интеллектуальной собственности.

За несколько секунд ум успел прожить катастрофу, которой пока не существовало. Я позвонил юристу. Он несколько раз повторил, что мы пока получили только иск и рано оценивать перспективы. Сначала требовалось восстановить документы и переписку, понять, что именно подписывал бывший сотрудник, от чьего имени действовал и почему не зарегистрировал права. Я спросил, знал ли юрист, что такое может произойти. После короткой паузы он ответил, что нет.

Этого оказалось достаточно, чтобы тревога превратилась в злость. Я потребовал собрать срочный созвон. Через двадцать минут на экране появились руководитель проекта, управляющий, юрист и финансовый директор. Все говорили спокойно, что раздражало ещё сильнее.

Почему они не понимают масштаба угрозы?

Я перебивал, требовал немедленных ответов и несколько раз спрашивал, кто допустил ошибку. В какой-то момент руководитель проекта попытался напомнить, что все решения принимались при моём участии. Я услышал в этом обвинение.

— То есть теперь виноват я?

На экране возникла тишина. Никто не говорил, что я виноват. Но фраза уже появилась в моей голове, а затем стала реальностью, на которую я начал отвечать.

Управляющий предложил сделать перерыв и продолжить через час. Я хотел возразить, но заметил собственное отражение в тёмной части экрана. Сжатые губы, напряжённое лицо и испепеляющий взгляд. Так выглядел человек, который ещё недавно рассуждал о тигре в кустах. Я завершил звонок и отошёл от ноутбука.

По номеру было трудно ходить: восемь шагов от окна до двери и восемь обратно. На третьем круге я уже мысленно разговаривал с бывшим сотрудником. Я обвинял его в непрофессионализме и потенциальном мошенничестве. Он смеялся. Я доказывал свою правоту. Он отвечал, что у него есть документы. Я проигрывал суд. Разговор происходил в разных вариантах, но во всех версиях существовал только в моей голове.

Телефон снова завибрировал. Сообщение от юриста:

«Предварительно вижу несколько серьёзных слабых мест в их позиции. Ничего не отвечайте на входящие от заявителей.

Через час обсудим план».

Я почувствовал облегчение. Те же документы. Тот же иск. Та же сумма. Изменилось одно сообщение — и вместе с ним изменилось моё состояние. Получалось, мой внутренний мир управлялся несколькими строками на экране.

Через час разговор с командой прошёл спокойнее. Мы распределили задачи: поднять архив переписки, найти ранние версии договоров, восстановить историю платежей и за-

казать независимое заключение специалиста по интеллектуальному праву.

Работа началась. Но тревога не исчезла. Она лишь отступила куда-то вглубь и ждала нового сообщения.

К вечеру я понял, что не хочу больше оставаться в номере. Спустился к морю и пошёл вдоль набережной. После жаркого дня воздух стал прохладнее, кафе зажгли гирлянды, на воде дрожали отражения фонарей.

Доктор Лукас сидел на парапете у самого моря. Газеты на этот раз не было. Он смотрел на волны, которые разбивались о камни и каждый раз отступали, словно ничего не произошло. Я ещё не успел подойти, когда он произнёс, не оборачиваясь:

— Иск на несколько сотен тысяч долларов — веская причина искать ответы у моря.

Я остановился. Откуда он знает? О судебном деле пока было известно только нескольким сотрудникам компании. На мгновение появилось совершенно не свойственное мне подозрение, что Лукас обладает какими-то сверхъестественными способностями. Я хотел было спросить, откуда ему известно об иске и его сумме. Но этот вопрос так и не прозвучал, мысли сбились и унеслись в материалы дела. Всё моё внимание было поглощено этим иском. Я подошёл ближе.

— И всё-таки как вы снова оказались именно здесь? Очередное совпадение?

— Если вам нужно это слово — пусть будет совпадение.

— А если без допущений?

Лукас повернул голову.

— Вы же сами меня пригласили и сами задавали вопросы.

Вам интересно, как устроен мир.

— Я вас не приглашал.

— Иногда настоящий вопрос — уже приглашение.

Я не понял, говорил он метафорически или вполне буквально. Лукас не стал пояснять.

— И что вы сейчас чувствуете?

— Тревогу.

— Где она?

— Внутри.

— Где именно?

Я прислушался к телу. До этого тревога казалась чем-то огромным, заполняющим всё пространство. Теперь обнаружилась в нескольких точках: тяжесть в животе, напряжение под рёбрами.

— В животе. Да, кажется, в животе.

— Может, она всё-таки находится в самом иске, который вы читали утром?»

— Нет.

— В сообщении юриста?

— Конечно, нет.

— Тогда почему вы решили, что сообщение заставляет вас страдать?

Вопрос раздражал своей очевидностью.

— Потому что оно сообщает о реальной угрозе.

— Оно сообщает, что другая сторона направила в суд документы и потребовала деньги. Всё остальное вы добавили сами.

Я хотел возразить, но вспомнил утро. Иск ещё никто не успел изучить, а я уже увидел закрытую компанию и заголовки в прессе. Между сообщением и тревогой действительно что-то находилось. Моё объяснение. Оно возникло так быстро, что я не заметил перехода. Несколько слов на экране мгновенно превратились в поражение, разорение, унижение и предательство. Тело отреагировало уже не на документ, а на созданную мной историю.

— Значит, я сам вызвал тревогу?

— Не спешите обвинять себя, — ответил Лукас. — Интерпретация не всегда осознаётся и не всегда состоит из слов. Иногда она возникает раньше, чем человек успевает её заметить. Но если чувство появилось внутри вас, искать его источник только снаружи бессмысленно.

Мы некоторое время смотрели на море. Я рассказал ему о первом созвоне: как услышал обвинение в нейтральной фразе руководителя проекта и почувствовал злость, за которой скрывался стыд. Лукас предложил мысленный эксперимент. Если завтра все сотрудники одновременно назовут меня гением, умнее я не стану. Если назовут идиотом — глупее тоже.

— Тогда почему ваше состояние должно зависеть от их

решения?

Я усмехнулся.

— Потому что мне не всё равно, что обо мне думают.

Лукас кивнул, словно именно этого ответа и ждал. Одобрение окружающих давало ощущение собственной ценности. Несогласие воспринималось не просто как чужое мнение, а как угроза мне самому. Поэтому я спорил не только о фактах. Я защищал образ человека, которым хотел выглядеть. Успешным. Компетентным. Тем, кто не ошибается.

В детстве этот образ поддерживали родители. Позже — оценки, спортивные победы, деньги, должности, клиенты и уважение сотрудников. Каждый новый результат на некоторое время подтверждал: со мной всё в порядке. Но подтверждение быстро заканчивалось, и требовалось следующее.

— Получается, не нужно обращать внимания на мнение других?

— Мнение может содержать полезную информацию, — сказал Лукас. — Но информация и право определять вашу ценность — не одно и то же.

Эта мысль оказалась неприятнее, чем казалась. Я привык считать независимость одной из главных черт своего характера. Но моё состояние легко менялось от чужой интонации, короткого сообщения или выражения лица на экране. Получалось, я раздавал управление собой каждому, кто мог похвалить, осудить, принять или отвергнуть меня. Интересная мысль: пока человек ищет подтверждение собственной цен-

ности снаружи, он отдаёт управление своим состоянием каждому встречному.

— И где тогда искать подтверждение?

— Почему вы уверены, что оно вообще вам необходимо?

Лукас поднялся с парапета.

— Чувства похожи на волны. Они возникают, достигают высшей точки и уходят. Проблема начинается, когда человек принимает очередную волну за всё море.

Он попрощался и пошёл вдоль набережной. Я остался у воды. Телефон в кармане снова завибрировал. Представители истца. «Предлагаем договориться до суда. Потом будет поздно».

Сначала по телу пробежал холодок. Затем напряглась грудь. Внутри поднялась злость, а следом возникло желание немедленно ответить — коротко и так, чтобы они поняли, с кем связались. Я уже открыл переписку. Пальцы зависли над экраном.

Сообщение было событием.

«Он уверен в победе» — интерпретацией.

Тревога и злость — чувствами, возникшими вслед за ней.

Ни одно из них не требовало немедленного действия. Я убрал телефон в карман. Впервые за весь день чувство не исчезло, но и не превратилось в приказ.

Вернувшись в гостиницу, я написал команде:

«Утром спокойно собираем факты. До консультации с юристами никто не вступает в переписку с

противоположной стороной. За резкость на первом созвоне прошу прощения».

Иск никуда не исчез. Несколько сотен тысяч долларов по-прежнему стояли на кону. Но моё состояние впервые не зависело от входящих сообщений. До этого дня я думал, что события вызывают чувства. Теперь увидел: между ними почти всегда возникает смысл, который я придаю происходящему. Всегда был зазор между событием и реакцией. Тревога приходила и уходила. Злость поднималась и ослабевала. Стыд появлялся и растворялся. Но тот, кто замечал все эти изменения, оставался. Возможно, я испытывал чувства. Но это ещё не означало, что я ими являлся.

Глава 7. Я есть мои мысли

На следующий день юристы прислали предварительное заключение. Позиция истца оказалась не такой безупречной, как они пытались показать. В документах обнаружились противоречия, а несколько писем подтверждали, что заявленные в иске факты являются лишь интерпретациями. До победы было далеко, но катастрофа, которую я успел прожить в голове, начала отступать. Команда готовила официальный ответ. Управляющий предложил короткую и осторожную формулировку: компания не признаёт требования, изучает материалы и продолжает работу в обычном режиме. Меня такой текст не устраивал. Я хотел назвать вещи своими именами: сотрудник работал непрофессионально, а возможно, даже состоял в сговоре с истцом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.